

Толстой, как богослов

Антон Владимирович Карташев (1875 – 1960) – известный богослов, историк церкви, общественный деятель, публицист – занимает особое место среди деятелей русского религиозного возрождения начала XX века. Выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии, в 1900-х годах – доцент, затем профессор кафедры истории русской церкви. В 1917 году – последний обер-прокурор Священного Синода, внесший законопроект новой формы государственной связи с церковью. Считая, что «неприлично было сохранять старую должность и старое имя “обер-прокурора” – символа 200-летнего “пленения” церкви государством»¹, он упразднил эту должность, стал министром вероисповеданий Временного правительства, членом Поместного Собора 1917 – 1918 годов. В эмиграции с 1919 года – один из основателей и профессоров Свято-Сергиевского Богословского института в Париже (1925 – 1960).

Его предками были крестьяне-туляки, вывезенные на Урал. Он блестяще закончил Пермскую духовную семинарию², и по окончании ее в 1894 году был послан на казенный счет для обучения в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, где ему предстояла профессорская карьера: после успешной защиты работы «Славянские переводы творений св. Иоанна Златоуста»

¹ *Карташев А.* Революция и Собор 1917 – 18 гг. // Альфа и омега. – 1995. – № 3 (6). – С. 105.

² В конце XIX в. Пермь была одним из духовных центров Урала и Сибири. Здесь находились 19 церквей, монастырь, духовная семинария, православное братство св. Стефана Пермского, Пермский епархиальный комитет.

Карташев был оставлен при кафедре истории русской церкви, получил звание доцента.

С 1903 года он публикуется в журнале академии «Христианское чтение», еженедельнике «Церковный вестник»; откликаясь на остроту поставленных в это время церковных проблем, печатает в журнале «Новый путь» (под псевдонимами: Уральский, Романский) статьи по вопросам церковной истории и по общественно-политическим проблемам, выступая в духе церковного реформаторства.

Выступления молодого ученого во внецерковной прессе не остались без внимания Синода, и ректор академии Сергей (Страгородский) предложил ему или оставить публичную деятельность, или покинуть академию. Карташев предпочел общественную деятельность и стал уже открыто публиковаться в газетах «Слово», «Русское слово», «Речь», «Страна». Одно время он участвовал в издании газеты «Вестник жизни». В печати он живо отзывается на все жгучие темы современной церковности.

Ревнитель истинного служения церкви, Карташев открыто говорил о церковной политике государства. В это время им изданы работы, заложившие основу его будущей фундаментальной «Истории русской церкви»: «Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории» (С.-Петербург, 1903); «Русская церковь в 1904 г.» (С.-Петербург, 1905); «Русская церковь в 1905 г.» (С.-Петербург, 1906).

К тридцати годам Карташев становится известным ученым, преподавателем, общественным деятелем. Ему уже становятся тесны узкоконфессиональные рамки богословия, и он активно включается в водоворот общественной борьбы.

Начало XX века отличалось широким интересом интеллигенции к проблемам русской церкви, среди русской интеллигенции возникло яркое религиозно-философское движение.

В столицах и крупных городах России были созданы религиозно-философские собрания, братства, общества, вызванные к жизни возрастающим вниманием русского общества к религиозным темам. Здесь шел живой обмен мыслями по вопросам веры, о раз-

общенности духовенства и мирян, духовной и светской печати. Религиозно-философские собрания всколыхнули богословскую мысль.

Среди участников возникших накануне первой русской революции религиозно-философских собраний в Петербурге был А. В. Карташев.

З. Гиппиус записала в дневнике: «Из всех заметнее был Карташев, умный, странноватый, говорливый на собраниях: сразу как будто из того лагеря перешедший в наш, в наши мысли»³. Позже он стал инициатором и председателем Петербургского философско-религиозного общества (1907–1917).

Поиски путей обновления церковной жизни сблизили его с кружком Д. С. Мережковского, с В. П. Свенцицким и В. Ф. Эрном, составлявшими ядро образованного ими «Христианского братства борьбы».

Встречу духовенства и интеллигенции, попытку открытой дискуссии представителей церкви и литераторов поддерживали церковные иерархи: Антоний (Вадковский), чья подпись как «первейшего члена Синода» первой стояла среди подписавших «Определение» Синода о Л. Толстом; Антоний (Храповицкий), считающийся «виновником отлучения» Толстого; и Сергей (Страгородский)⁴, тогда молодой сорокалетний ректор Санкт-Петербургской Духовной академии. В конце 1890-х – начале 1900-х годов Антоний (Храповицкий) и архиепископ Сергей (Страгородский) были единомышленниками, ближайшими сподвижниками митрополита Антония (Вадковского). «Лучший из русских архиереев», – так отзывался о своем близком друге архиепископ Антоний (Храповицкий). Но через двадцать лет они окажутся непримиримыми противниками – возглавят две основные Русские Православные церковные юрисдикции: Антоний (Храповицкий) с 1921 года до конца жизни возглавлял Русскую зарубежную православную церковь, Сергей (Страгородский) с 1927 года – Русскую православную церковь как

³ Гиппиус З. Н. Дневники. – М., 1999. – Т. 1. – С. 76.

⁴ См.: Карташев А. В. Мои ранние встречи с о. Сергием // Православная мысль. – Париж, 1951. – Сб. 8.

Местоблюститель Патриаршего Престола, в 1943 году как Патриарх.

На повестке дня стояли главные вопросы – реформирование церкви, активное включение ее в общественно-политическую жизнь. Звучали размышления о том, что такое неискаженная, настоящая церковь и настоящее общество: «В наших врачах, курсистках, студентах, шедших в голодный год на служение ближнему – была бессознательная “религиозность”, поскольку верны они были истинной любви к “земле”», и, как отметил Д. Философов, «вера в Бога была у них подменена верой в прогресс, цивилизацию, в категорический императив».

В дискуссиях об отношении церкви и интеллигенции активно участвовал А. В. Карташов. Он предлагал держаться «в своем словоупотреблении» широкого «всеобъемлющего мистического понятия Церкви как о теле Христовом», и тогда, утверждал он, может быть решен главный вопрос дебатов – вопрос о разделении интеллигенции и церкви: «Мне кажется, что понятие Церкви намеренно брали в узком смысле официальных представителей церкви и церковного ведомства, прошедших духовную школу и богословствующих в ее духе».

Наиболее актуальной в начале 1900-х годов была тема «Лев Толстой и русская церковь», особенно в свете потрясшего русское общество «Определения» Синода в феврале 1901 года об «отпадении графа Л. Толстого от церкви», воспринятого как отлучение. По замечанию Н. Бердяева, «отлучение это не церковного, а светского происхождения... Тот, кто защищает отлучение, попадает в двусмысленное положение, ибо вынужден защищать мероприятия нынешней церкви, за которой стоят Победоносцев и бюрократия»⁵.

И надо отметить, что до сих пор, по словам писателя А. Варламова, это событие остается «болевой точкой XX века», эта тема до сих пор «будоражит общество», – утверждает по-

⁵ Бердяев Н. Письма из России. Самодержавие и православие // Освобождение. – 1902. – № 6, 2 (15) сентября.

литик Вл. Рыжков⁶, об этом свидетельствуют многие публикации последних лет⁷.

И сто лет назад, на пороге двадцатого столетия, слова в защиту Л. Толстого звучали преимущественно из уст журналистов: редактора «Журнала для всех» В. Миролубова, утверждавшего, что «Л. Н. Толстой – истинно религиозный человек», что он приводил «к религии нерелигиозных русских людей-интеллигентов»; публициста «Вестника Европы» К. К. Арсеньева; сотрудника «Русского слова», священника Григория Петрова; секретаря «Нового пути» Е. А. Егорова, заявившего, что постановление Синода об отпадении Толстого от церкви имеет лишь «значение богословского мнения иерархов»⁸.

В устных и печатных выступлениях преобладала резкая антитолстовская позиция. Лишь некоторые представители церкви – и среди них А. В. Карташев – утверждали, что «Синод, конечно, не настоящий собор», что Достоевский уже говорил о «параличе» русской церкви. И Карташевым был задан вопрос: «Насколько отклик русской церкви на учение Л. Толстого стоит в связи с указанным Достоевским явлением?».

Участвуя в церковно-общественной и политической деятельности, Карташев стремился начертать программу взаимоотношений между церковью и государством. Им написано много острых статей на злободневные темы. И его статьи о Л. Толстом (см. также статью 1912 г.) написаны пером ученого-богослова, и публициста.

⁶ Эхо Москвы. – 2008, 14 апреля.

⁷ См.: Сараскина Л. Неверие и недоверие как этапы духовного поиска русских писателей XIX века : материалы конференции «Лев Толстой и Русская православная церковь», март 2006 г. (Причины конфликта Л. Н. Толстого с Русской православной церковью) // Яснополянский сборник. – 2008. – С. 343 – 365; Вернуть нельзя помиловать. Сто пять лет назад Льва Толстого отлучили от православной церкви // Российская газета. – 2006. – № 4010, 3 марта. (О встрече в Ясной Поляне представителей Русской православной церкви с историками литературы и писателями).

⁸ Записки Петербургских религиозно-философских собраний. – СПб., 1906. – С. 74.

Опубликованная в 1908 году в газете «Речь»⁹ статья «Лев Толстой, как богослов», написана молодым тридцатитрехлетним ученым, вовлеченным в бурную предреволюционную эпоху, когда наметилось стремление к сближению интеллигенции и церковных деятелей.

А. В. Карташеву предстояло в статье учесть «политику момента», контекст эпохи, дать оценку «религиозных писаний Толстого в настоящий момент».

Богослов-публицист ясно сознает трудность поставленной перед ним задачи: «С одной стороны, громы православной церкви на... дерзающего помянуть добрым словом религиозную деятельность великого писателя», а с другой – необходимость похвалы юбиляру.

«Политика момента» заключалась в важнейших политических и духовных вопросах, горячо обсуждавшихся на заседаниях религиозно-философских собраний и обществ. Отсюда полемическая заостренность статьи: «Пора перестать себя обманывать» или «это чистой воды миф, придуманный трусливыми ревнителями церковного авторитета для прикрытия зияющей пропасти их сознания между правдой церкви и правдой жизни».

Статья написана на злобу дня публицистом-богословом, жаждущим живых перемен в жизни церкви, когда, по его словам, «все молодое и талантливое устремилось на создание богословия, связанного с жизнью и нравственностью».

Рассматривая отношения Льва Николаевича Толстого и церкви, неправоту церкви Карташев видит «в подозрительной непоследовательности» и задает вопрос, до сих пор волнующий многих: почему церковь подняла голос именно на Толстого, а не на «множество представителей русского общества – ученых, писателей, общественных деятелей, прямо или косвенно разрушающих мировоззрение церкви?». И категорично заявляет: «Отлучать или всех, или никого».

⁹ «Речь» – ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге (8 марта 1906 г. – 28 ноября 1917 г.) под фактической редакцией П. Н. Милюкова и И. В. Гессена, при ближайшем участии М. М. Винавера, П. Д. Долгорукова, П. Б. Струве и др.

По мнению Карташева, Лев Толстой – великий богоискатель. Даже «отверженный церковью», – утверждает церковный публицист, «Толстой провел неизгладимую борозду в сознании не только отдельных богословов, но и в истории русского богословия вообще».

Главную заслугу Толстого критик видит в том, что писатель проповедует учение Христа по всему миру, и «служение в этом направлении громадно».

«По смелому почину Толстого, слова “Бог” и “Христос”, – продолжает он, – перестали быть запретными для русского интеллигента, а отчасти и в целом мире», ибо «слава Евангелия от этого только умножалась».

Эти слова признания А. В. Карташовым-богословом огромного значения толстовской религиозной проповеди очень много значат и сегодня для понимания духовного пути Льва Толстого.

С традиционной церковной же точки зрения (и православного литературоведения), утверждалось, что «исключительные дары, присущие Толстому, сказались положительно лишь в его художественном творчестве. А во всех иных областях – разрушал»; еще более категорично мнение Г. Флоровского: «Толстой был религиозно бездарен»¹⁰.

В статье А. В. Карташева, как и в ряде статей светских и церковных публицистов – С. Франка, Н. Бердяева, В. Свенцицкого, В. Экземплярского – было отмечено положительное значение религиозно-нравственной проповеди Льва Толстого. Характерна статья В. Свенцицкого, утверждавшего, что «в области религиозного сознания заслуга и значение Толстого в том, он в XX веке, образованный и гениальный человек, заявил перед лицом всего человечества, что не только религия не отошла в область предания, но что она одна только и может дать действительное знание человеку»¹¹.

Это свидетельство того, что диалог с Толстым мог состояться; путь к нему открыт и сегодня.

¹⁰ Флоровский Г. Пути русского богословия. – М., 1988. – С. 404.

¹¹ Свенцицкий В. Положительное значение Льва Толстого // Живая жизнь. – 1908. – № 34.

Редко выпадает на долю публицистики столь трудная задача, как оценка религиозных писаний Толстого в настоящий момент. С одной стороны, – громы православной церкви на всякого, причисляющего себя к ней и дерзающего помянуть добрым словом религиозную деятельность великого писателя, с другой – юбилейная обстановка, грозящая признать неуместным все, что не звучит одной похвалой герою дня.

Насколько общепризнанным может считаться второе затруднение, настолько же первое покажется очень многим сомнительным. Принято думать, что голос Синода не выражает голоса церкви, и синодальная декларация не должна задевать совести верующего сына церкви. Пора перестать себя обманывать. «Соборный голос православной церкви», которого мы не знаем и который будто бы скажет что-то новое сравнительно с тем, что было изготовлено в Киеве и раздалось во всеуслышанье с Сенатской площади, – это чистой воды миф, придуманный трусливыми ревнителями церковного авторитета для прикрытия зияющей пропасти их сознания между правдой церкви и правдой жизни. «Вот приедет барин – барин нас рассудит». Но барин-собор что-то не едет, а если какими-нибудь судьбами и нагрянет, то, конечно, рассудит не иначе, чем его верный приказчик – Синод. Ведь критерий церкви в догме, канонах и быте, руководящий дух ее в течение двух тысячелетий уяснился почти с математической точностью. Особенно в таком ярком случае, как отношение к Толстому, для церкви не

могло быть никаких колебаний. Тому, кто активно отрицает ее в корне, она должна сказать свое: «анафема». Это даже не право ее, а обязанность. Всякий уважающий себя институт исключает из своего состава видных и деятельных своих противников. Не в этом неправота отлучения Толстого, а в подозрительной непоследовательности церкви. Почему она вдруг подняла голос на Толстого, покрывая молчанием множество прежних и настоящих представителей русского общества – ученых, писателей, общественных деятелей, прямо или косвенно разрушающих мировоззрение церкви? Отлучать или всех, или никого. Так оно и было бы, если бы церковь в этом акте была свободна от услуг политики момента. Да и что за лицемерное «духовное воздействие», когда наш церковно-политический строй не допускает категории свободных от религии, так что отлучением от церкви человек лишается паспорта и чуть не гражданского бытия? Какая уж тут «духовность»!..

Как бы то ни было, но Толстой отлучен именно церковью и, по разъяснительной статье еп. Сергия¹², всякий его почитатель

¹² На опубликованное 24 февраля 1901 г. в «Церковных ведомостях» (№ 8) «Определение Святейшего Синода от 21 – 22 февраля 1901 г., № 557 с посланием верным чадам Православной Греко-Российской Церкви о графе Льве Толстом», в котором говорилось об отпадении Толстого от церкви, и ответ писателя на это постановление Синода, одним из первых отозвался епископ Ямбургский Сергей (Иван Николаевич Страгородский; 1867 – 1944) – выпускник, позже ректор Санкт-Петербургской Духовной академии, в 1901 г. был хиротонисан в епископа Ямбургского, в 1905 г. назначен архиепископом Финляндским и Выборгским. В 1917 г. – участник Поместного церковного собора, в 1943 – 44 гг. – Патриарх Московский и Всея Руси. В статье о «новой исповеди графа Л. Толстого» он посчитал необходимым упомянуть, что «конечная участь человека зависит не от клочка писанной или печатной бумаги» и «не от самого церковного отлучения». В завершении своего отзыва епископ Сергей заметил, что Толстому «обратиться к Церкви теперь труднее, чем кому бы то ни было. Но покуда он здесь... до тех пор мы можем надеяться на милость Божию...» // Миссионерское обозрение. – 1901, 23 мая; см. в кн.: Духовная трагедия Льва Толстого. – М., 1995. – С. 96 – 102; дословно свой вывод он повторил и позже: *Сергий (Страгородский)*, епископ. По поводу «Верую» Л. Толстого. Психология его отречения // Свобода и христианство. – СПб., 1906. – Кн. 13. – С. 17.

отныне заподозревается в отсутствии веры во Христа. Что же делать? Понесем на себе крест такого подозрения в надежде, что суд людской – не Божий.

Чему обязан Толстой своей исключительной всемирной известностью? Беру на себя смелость утверждать, не приводя точных статистических данных, что едва ли не равнозначущую роль с его художественным творчеством здесь сыграла его религиозно-этическая проповедь. Разумею демократический характер известности Толстого. Если изящные творения русского писателя составляют прежде всего предмет единственного интереса для наиболее просвещенных слоев общества, то среди широких народных масс различных стран света – его знают и чтут почти исключительно, как религиозного учителя жизни.

Вся вековая тоска русской души о правде Божьей, о праведной земле, о братолюбии и жалости как будто накопилась в груди великого богоискателя и пролилась в мир в покаянных, обличительных и полемических писаниях удивительной моральной мощи. Самые простые, элементарные правила евангельской морали, самые известные притчи из церковно-учительской литературы и народной мудрости в обработке Толстого превращаются в бичи и скорпионы для нашей лукавой совести. С какой-то особенной жгучей и соблазнительной властью врываются в душу призывы Толстого к нравственному героизму. Недаром бежали и бегут люди самых разнообразных положений на опыты новой жизни по внушениям русского мудреца. Его религиозный голос потрясает сердца, как потрясало встарь, по рассказам житий, будущих подвижников случайно услышанное евангельское изречение: «Если кто хочет за Мною идти, да отвергнется себя»¹³ и в единый миг отрешало от всех мирских связей. Тут секрет пророка, пламенеющего в сердце своем, и, вероятно, художника, как бы по внешности ни были грубы и неуклюжи специфически-религиозные писания Толстого. Я помню, какое подавляющее впечатление произвело

¹³ «Тогда Иисус сказал ученикам своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною» – Евангелие от Матфея. – Гл. 16 : 24.

на меня «Царство Божие внутри нас», как глубоко ранила и растравила мою совесть, от колыбели связанную с образом церковного Христа, эта заграничная книжка. И читал я ее не наивным мальчиком, а по окончании высшей богословской школы, после давних знакомств со всякими родами критики церкви и христианства. С нескрываемой краской стыда приходилось сознаться, что ни одно из произведений церковной литературы, древней и новой, не могло так обнажить пред моим сознанием горькой истины евангельских слов: «что мне говорите: Господи, Господи! и не делаете того, что Я говорю». Над совестью моей надолго отяготела суровая длань морального гения. Я понял после этого, почему некоторые из наших ученых богословов так глубоко (разумеется, втайне) чтут Л. Н. Толстого и всю свою деятельность направляют к тому, чтобы в формах традиционной церковности воскресить забытую культом и почти забытую евангельскую мораль. Но, увы, без благородной откровенности и резкой прямоты это занятие бесплодное. Плетью обуха не перебить.

Отверженец церкви провел неизгладимую борозду в сознании не только отдельных богословов, но и в истории русского богословия вообще. До 80-х годов прошлого столетия еще возможна была затрата ума и ученых дарований на созидание таких мертвых кирпичей, какими являются два тома догматического богословия митроп Макария, подвергнутых столь гневному и желчному разбору Л. Н. Толстым¹⁴.

¹⁴ Митрополит Макарий (Булгаков Михаил Петрович, 1816 – 1882) – богослов и церковный историк, автор монументальных трудов – «Догматическое богословие», «История Русской Церкви». Толстой написал в начале 1880-х гг. «Исследование догматического богословия» (изд. в Женеве, ч. 1 в 1891 г., ч. 2 в 1896 г.; в России впервые в 1908 г.), содержащее разбор православно-догматического богословия митрополита Макария, которое, по признанию писателя, он выучил «как хороший семинарист». В статье «Созидающий и разрушающий миры» (1908) Л. Шестов заметил: «Толстой напал на церковь с тою же яростью, с какой он в свое время нападал на Наполеона... Как хватило у Толстого терпенья и охоты так подробно, слово за словом, разбирать двухтомное сочинение московского митрополита Макария». Между тем известно, что А. С. Хомяков называл труд Макария «позором для русского богословия».

Равным образом только до этого времени могли воспитываться в лоне православия ученые противники Толстого, каким был покойный казанский профессор А. Ф. Гусев, всю жизнь истративший на антитолстовскую полемику¹⁵, этот истинный Дон-Кихот старо-семинарской схоластики, фетишист ортодоксальной словесности, полагавший принадлежность к церкви и надежду на вечное спасение в зависимости от принятия или неприятия усвоенной им бурсацко-богословской терминологии. Толстой безвозвратно выявил всю карикатурность и преступность такого сорта церковного учительства. Отныне в русской церкви прежний тип холодно-казуистической догматики стал наивным провинциализмом, а все молодое и талантливое устремилось на создание богословия, связанного с жизнью и нравственностью. И вождем этой новой богословской школы явился никто другой, как один из деятельных виновников отлучительных актов Синода против Толстого, известный арп. Антоний Волинский¹⁶.

¹⁵ Гусев Александр Федорович (1842 – 1904) – богослов, профессор Казанской духовной академии по кафедре апологетики, автор многочисленных критических трудов о Л. Толстом. На протяжении 1886 г. и затем в 1889 и 1890 гг. печатались: «Исповедь гр. Л. Н. Толстого и его мнимо-новая вера» («Православное обозрение»); «Необходимость внешнего богопочтения (против Л. Н. Толстого)» (Казань, 1890); «О браке и о безбрачии. Против “Крейцеровой сонаты” и “Послесловия” к ней гр. Л. Н. Толстого» («Православный собеседник», 1891, № 3; отд. изд.: Казань, 1892; 1901); «Любовь к людям в учении гр. Л. Н. Толстого и его руководителей» («Православный собеседник», 1891, № 3; «Благовест», 1892, № 3; отд. изд.: Казань, 1892). В Яснополянской библиотеке находятся две его книги, направленные против толстовского учения: «Основные “религиозные” начала графа Л. Толстого. Апологетическое сочинение» (Казань, тип. Имп. ун-та 1893) и «О сущности религиозно-нравственного учения Л. Н. Толстого» (Казань, 1902).

¹⁶ Антоний (Храповицкий Алексей Павлович; 1863 – 1936) – церковный деятель, публицист, богослов. С 1890 г. – архимандрит и ректор Петербургской Духовной семинарии, затем Московской Духовной академии; с 1902 г. архиепископ Волинский. Автор трудов: «Нравственный смысл основных христианских догматов» (Вышний Волочек, 1906); «Слово на благодарственном молебне после выборов в Третью государственную думу» («Волинские Епархиальные Ведомости», 1907).

Я своими ушами однажды слышал, как он призывал духовную молодежь принять к сведению урок Толстого. «Лев Н-ч обличает нас в том, что мы угощаем всех бесконечными догматами да обрядами, а нравственность забыли. И он воистину прав. Ни к чему все это, если не ведет к нравственности и деятельной святости. Нам надо вскрыть нравственный смысл всех решительно догматов и всего религиозного типикона. Я в этом направлении уже нечто сделал». И он сослался на ряд своих статей. Происходила эта беседа в квартире еп. Сергия, того самого, сердечно любимого мною иерарха, который на днях в «Колоколе» назвал отступниками от веры Христовой всех участников сегодняшнего юбилея¹⁷. Еп. Сергей, самый даровитый последователь богословского направления архиеп. Антония, слушал тогда слова последнего в молчании, полном согласия – Петр Великий с царственным благородством поднимал кубок за своих «учителей» – шведов,

В своих трудах и воскресных проповедях он много внимания уделял разбору религиозных взглядов Л. Н. Толстого: центральная статья «Беседы о превосходстве православного понимания Евангелия сравнительно с учением Толстого», открывающая сборник «Нравственное учение в сочинении Толстого: “Царствие Божие внутри вас” пред судом учения Христова» (неск. изд.). В марте 1892 г. он посетил в Москве Л. Н. Толстого, позже сообщил через Н. Я. Грота, что Толстого собираются отлучить от церкви.

¹⁷ 23 августа 1908 г. Синод выступил с разъяснениями по поводу юбилея Толстого, где особо подчеркивалось, что все, кто выражает в эти дни сочувствие Толстому, «причисляются к его единомышленникам, делаются соучастниками его деятельности и привлекают на свою голову общую с ним, тяжкую перед Богом, ответственность». Архиепископ Сергей (Страгородский) в статье «Как православный христианин должен отнестись к предстоящему чествованию графа Толстого?» призывал верующих не участвовать в чествовании «известного художника слова» вместе «с явными и тайными врагами нашей Церкви», а молиться, чтобы «Господь... обратил его на путь покаяния и дал ему умереть в мире с Церковью, под покровом ее молитв и благословения». «Как бы ни была велика наша национальная гордость писателем Толстого, – заключил Сергей (Страгородский), – мы никогда не должны забывать наших обязанностей по отношению к нему просто, как к человеку, жизнь которого не может закончиться на земле...».

жестоко бивших его под Нарвой. Не думаю, чтобы еп. Сергий и Антоний взяли на душу грех, подражая сегодня примеру Петра...

Велик и прекрасен Толстой в его признаваемой даже противниками пророческой ревности о нравственном учении Христа, но золото ревности, к сожалению, часто тускнеет и обволакивается копотью в его писаниях последнего периода. Богословские сочинения Толстого не без намерения неуклюжи, и грубы по языку, несдержанны и желчны по тону и, увы, ненаучны по методу и содержанию. Коренная причина тому лежит где-то глубоко в укладе личности писателя и налагает на его религиозную фигуру трагический отпечаток.

Начиная с «Исповеди» мы видим у Толстого решительный поворот к опрощению в языке. Потрясенный в критический период своей жизни глубиной веры народной, найдя в ней то, что не могли ему дать философия и наука, русский граф естественно впал в стиль мужицкой простоты и прямоты. Благодаря этому мужицкому заступу, он смог откинуть в сторону целые пласты ходячей лжи всех категорий, но орудие оказалось не слишком тонким для обращения с ценностями человеческого духа и культуры. В частности, масса цветов и непреходящих созданий религиозного творчества была безжалостно растоптана и искалечена. Слово не пустой патрон, а организм с плотью и кровью. Переряживанье религиозных идей в грубые одежды обличительных слов – то же, что выплескиванье из ванны ребенка вместе с водой. Казалось бы, что худого в том, что строгий искатель истины, рассуждая о предметах веры, «резал правду-матку по-мужицки, напрямик», – между тем от этого печать не внешней, а внутренней некрасивости, т. е. неправдивости, черным минусом тянется по всем религиозным произведениям Толстого. Его завоевания достигнуты с большим уроном...

Кирка и заступ жестких слов, взятые Толстым для отрыванья дорогих ему евангельских жемчужин из груды исторических извращений и теологического мусора, по-человечески нам совершенно понятны. Ведь приходилось проделывать

черную работу, разбираться в богословских словосочетаниях. За одно это можно многое простить. «Я думал идти к Богу, – говорит Толстой, – и залез в какое-то смрадное болото, вызывающее во мне только те самые чувства, которых я боюсь более всего: отвращения, злобы и негодования». «Серьезный научный тон при разборе этих книг был невозможен». И Толстой в критике Макария не скупится на жестокие слова. Однако нельзя не пожалеть, что единоборство с богословами соблазнило Толстого взять тон желчной и неприятной полемики. Не может укрыться от внимательного читателя и то обстоятельство, что гнев Юпитера далеко не всегда свидетельствуют о его правоте и что не все дано ему понимать.

Особенно ярко обнаруживает свои невыгодные стороны метод опрощения Толстого в положительном опыте толкования Евангелий и других памятников первохристианства. Если национализм гения заключается в разделении со своим народом и недостатков последнего, то здесь Толстой понес на себе уродство нашей ненаучности и уверенной в себе самодельщины. Задавшись целью вскрыть основной смысл Христова учения, он предварительно отверг оба представлявшихся ему пути: путь традиционно-церковного понимания и путь историко-критического изучения. Толстой решил просто извлечь из памятников священной для христиан письменности поразившее его высотой и правдой учение о жизни, как он его понимает. Но в естественном желании доказать, что это понимание тождественно с первоначальным чистым пониманием евангельской проповеди, Толстой обращается к греческому тексту Евангелий, пускается в ответственную область экзегетики¹⁸, т. е. незаметно вступает на путь историко-критический, не пользуясь в то же время всеми его богатыми средствами. И в результате – крайне неизящная и нестерпимая для научного вкуса помеся перлов здравомыслия с непростительным попранием исторической правды.

¹⁸ Экзегетика, экзегеза (др.-греч. *ξηγητικ*, от *ξηγησις* (истолкование, изложение) – раздел богословия, в котором истолковываются библейские тексты.

Не говорим уже о том, что для Толстого писатель Екклезиаста – Соломон, 4-го Евангелия – «Иоанн Богослов», посланий к евреям – ап. Павел и т. п. Все это несущественные, хотя и характерные мелочи. Но когда *monogenês* переводится словом «однородный», *doksa* – учение, *plêrôma* – выполнение, *charis* – богоугождение, *logos* (абсолютно ясный платонически-стоический и гностический *logos*!) – словами «разумение жизни», – тогда всякий перевод становится возможным, тогда ссылка на оригинальный текст превращается в мираж, наводящий на грустные размышления. Если Толстому при таком методе еще легче справиться с непонятными для него деталями исторического Иисуса из Назарета первых трех Евангелий, то все содержание 4-го Евангелия под его пером превращается до неузнаваемости, причем даже совершенно необразованный человек вправе спросить себя, нормален ли был писатель Иоаннова Евангелия, если он хотел сказать одно, а из-под пера его лилось совсем другое.

Так же невозможно-произволен у Толстого перевод «Учения 12 апостолов» и превратны его представления о первохристианстве в его же «Разрушении ада». Словом, антиисторичность и ненаучность оболочки религиозных писаний Толстого есть громадный дефект, ослабляющий силу его христианизирующей проповеди в наше время демократизации и популяризации науки. Вот почему какая-либо популярная, но подлинно-научная серия религиозно-исторических книжек (напр. Schiele «Religionsgeschichtliche Volksbücher»¹⁹) с успехом будет побивать влияние Толстого среди масс, вкусивших школьного просвещения.

Но хорошо ли, худо ли Толстой проповедует по всему миру Христово учение – его служение в этом направлении громадно. В наш век эмансипации от положительных религий он является проповедником новой и свободной отданности Евангелию Иисуса. По смелому почину Толстого слова «Бог» и «Христос» перестали быть запретными для русского интеллигента, а отчасти и в целом мире. Другим религии, и в

¹⁹ Шиле. «Народная книга по истории религий». – Нем.

частности христианской, можно только радоваться, как радовался апостол Павел, сообщая филиппийцам из-под ареста в Риме, что там, с его появлением, пошла молва о Христе, и некоторые проповедовали о Христе «с добрым расположением», а другие «по зависти и любопрению»²⁰, но слава Евангелия от этого только умножалась...

Речь. – 1908, 28 августа

*Вступительная статья,
публикация и примечания **И. В. Петровицкой**,
старшего преподавателя кафедры истории русской литературы
и журналистики факультета журналистики МГУ*

²⁰ «Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божие. Некоторые, правда, по зависти и любопрению, а другие с добрым расположением проповедуют Христа». – Послание к Филиппийцам св. апостола Павла (Глава 1 : 12 – 15).